

Журн.
П 31

Дет

Ордена Трудового Красного знамени Институт государства и права
Академии наук СССР

На правах рукописи

Для служебного пользования

Экз. № — **33**

ПЕТРУХИН ИГОРЬ ЛЕОНИДОВИЧ

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРАВОСУДИЯ**

(по уголовным делам)

Специальность № 12.00.08 — уголовное право и уголовный процесс

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

583
м
м

Москва — 1977

Кр
Работа выполнена в ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Академии наук СССР.

Официальные оппоненты:

Доктор юридических наук, профессор **Алексеев Н. С.**

Доктор юридических наук, профессор **Кобликов А. С.**

Доктор юридических наук **Келина С. Г.**

Ведущая организация — Всесоюзный юридический заочный институт.

Защита состоится *14 декабря* 1977 года в *10.00* часов на заседании специализированного Совета Д-121/1 ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Академии наук СССР.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Академии наук СССР.

Автореферат разослан *3 октября* 1977 года.

Ученый секретарь
специализированного Совета
доктор юридических наук

код экземпляра

33727

Нерсисян В. С.

Докторам коллегии из Харьковского юридического института и Харьковской государственной академии.

Нерсисян
Українська юридична академія
ФУНД М. П. Т. БІБЛІОТЕКА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОБОТЫ

Актуальность и новизна темы исследования

В отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС отмечалось, что в настоящее время необходимо сделать «упор на эффективность», что наступившую пятилетку развития Советского государства «недаром... назвали пятилеткой эффективности и качества»¹.

Во всех сферах общественной жизни выполнение требования эффективности — насущная задача. Это относится и к правосудию, эффективность которого — необходимое условие дальнейшего укрепления социалистической законности, развития советской демократии, надежной охраны прав и законных интересов граждан. Актуальность проблем эффективности правосудия еще более возрастает в связи с принятием новой Конституции СССР, в которой получили дальнейшее развитие демократические основы советского судопроизводства.

Изучение эффективности государственной деятельности всегда было одной из важных задач советской правовой науки. Однако ее осуществлению мешали в прошлом некоторые отрицательные явления, связанные с недостаточной разработанностью теории и методологии оптимального управления общественными процессами, недооценкой конкретно-социологических и математико-статистических методов исследования государства и права.

Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964 г.) и «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.) ориентировали советскую юридическую науку на более глубокое изучение реальных общественных процессов и эффективности их правового регулирования. Достижения в области других наук (общей теории систем, кибернетики, социологии и т. д.), внедрение счетно-аналитической техники создали благоприятные предпосылки для быстрого развития этого научного направления.

В середине 60-х — начале 70-х годов вышли в свет первые работы советских авторов общетеоретического характера о понятии и методах изучения эффективности государства и права, механизме правоприменения (И. С. Самошенко, В. И. Никитинский, А. Б. Вен-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 43—44.

геро́в, В. П. Казимирчук, А. С. Пашков, Д. М. Чечот, Л. С. Явич, Л. И. Спиридонов, Е. П. Шикин, В. А. Козлов и др.).

Появились и отдельные статьи, намечавшие подходы к изучению эффективности уголовно-процессуального права и процессуальной деятельности. Имеются в виду прежде всего работы В. Н. Кудрявцева, В. И. Каминской, Г. З. Анашкина, И. Б. Михайловской, Н. В. Радутной, А. И. Михайлова, К. Ф. Скворцова, В. И. Шинда, В. Б. Алексеева, А. Д. Бойкова, Т. Г. Морщаковой, И. А. Либуса и др.

Стала очевидной необходимость углубленной теоретической разработки проблем эффективности советского правосудия. Начиная с 1967 г., работа в этом направлении проводилась авторским коллективом¹, руководителем которого был диссертант, и завершилась изданием двухтомной монографии «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок» (Под ред. чл.-корр. АН СССР В. Н. Кудрявцева, М., 1975). Это исследование вместе с другими работами автора этих строк послужило основой диссертации.

Новизна диссертации, состоящая, по мнению ее автора, в обосновании нового научного направления — теории эффективности правосудия, ее предмета и методов, — находит выражение в постановке и решении ряда научных проблем, которые до сих пор не исследовались. В частности, предпринята попытка:

а) определить содержание таких основополагающих категорий, как «оптимальность» и «эффективность» правосудия, выявить компоненты, из которых они состоят, и исследовать их соотношение; связать проблему целеполагания в сфере отправления правосудия с операционализацией целей, то есть сведением их к таким формулировкам, которые бы давали основание для измерений; разработать критерии и показатели оптимальности и эффективности правосудия, определить их место в более широкой системе оценок работы органов уголовной юстиции; описать социальную «среду» правосудия, изучить характер поступающих из нее управляющих и «возмущающих» воздействий; использовать системный и функциональный подход для совершенствования «механизма управления» правосудием; определить ресурсы данной системы и применить к правосудию требование социальной экономии (без ущерба для качества работы); проследить соотношение между оптимальностью применяемой судом нормы права и эффективностью деятельности правоприменителя;

б) разработать методики измерения эффективности правосудия по уголовным делам в целом и по отдельным стадиям судеб-

¹ М. И. Авдеев, Г. З. Анашкин, В. Б. Алексеев, А. Д. Бойков, Ю. А. Лукашов, К. С. Макухин, Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин.

ного процесса¹; критически проанализировать применяемые ныне на практике показатели эффективности правосудия, показать их достоинства и недостатки; определить объем информации, необходимой для адекватных оценок состояния правосудия по уголовным делам, и внести предложения, направленные на совершенствование действующих форм статистической отчетности о работе судов;

в) дать общую теоретическую характеристику и классификацию судебных ошибок, показав их связь с проблемой эффективности правосудия; определить распространенность судебных ошибок в целом и по отдельным их видам; проследить динамику судебных ошибок, обнаружить при этом статистические тенденции и дать им социально-историческую интерпретацию, то есть объяснить причину (иногда на уровне обоснованных гипотез); выявить некоторые недостатки в судебной работе, ее правовой регламентации и по возможности внести предложения, направленные на дальнейшее совершенствование уголовного судопроизводства.

Правосудие рассматривается в диссертации не только в узко юридическом, но и в широком социальном плане; при этом исследован механизм разнообразных воздействий, детерминирующих определенный уровень эффективности правосудия.

Предложены и подвергнуты анализу компоненты оптимального правосудия. Сформулированы критерии, по которым следует определять степень «успеха» всей системы.

Проблема судебных ошибок, составляющая часть более широкой проблемы эффективности правосудия, в советской правовой науке в прошлом почти не изучалась. Диссертация в какой-то мере восполняет этот пробел (некоторые эмпирические данные о судебных ошибках, полученные В. Е. Чугуновым, Т. Ф. Горским и Л. Д. Кокоревым в 1966 г., были использованы для сравнения и оценки).

Справедливо сказано: «Мы стараемся сами выявить имеющиеся недостатки и ошибки, откровенно говорим о них, чтобы их исправить...»². Безусловно, это относится и к судебным ошибкам. Судебные ошибки и их причины необходимо делать предметом серьезного теоретического изучения, без которого практическая работа по устранению этого отрицательного явления не может быть достаточно эффективной.

Методология и методика исследования

Опираясь на всеобщий метод марксистской материалистической диалектики, обще- и частнонаучные методы, автор диссертации провел теоретические и эмпирические исследования. Для изу-

¹ Автор диссертации выражает признательность математику, старшему научному сотруднику Института государства и права АН СССР Леванскому В. А. за консультации при разработке некоторых методик измерения эффективности правосудия.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 3, 1974, с. 45.

чения эффективности правосудия были применены методы теоретической кибернетики, общей теории систем, социологии, статистики, исторический и сравнительно-правовой методы. Средствами проведения эмпирических исследований сначала были две анкеты, разработанные авторским коллективом, куда входил и диссертант, а затем — статистическая карточка на отменный приговор и усовершенствованная анкета.

Анкета № 1, а в дальнейшем статкарточка заполнялась по материалам уголовных дел с отмененными приговорами судьями, исправившими судебную ошибку.

Анкета № 2 заполнялась народными судьями независимо от наличия у них отмененных и измененных приговоров. Ее задача — изучить некоторые характеристики личности судей, условия их жизни и работы.

Получено и обработано на счетно-перфорационной машине¹ 1903 анкеты № 1 (1967—1968 гг.) и 1595 статкарточек на отмененный приговор (1973—1976 гг.), а также 3100 анкет № 2 (1967—1968 гг.) и 1833 усовершенствованные анкеты № 2 (1973—1974 гг.). Эта выборка обеспечила получение данных, представительных по Союзу ССР. Имеющаяся информация позволяет проследить «эволюцию» ряда показателей и факторов эффективности правосудия.

При подготовке диссертации были использованы и другие социологические методы исследования: **наблюдение** за работой судей (гг. Кишинев, Душанбе, Киев): **опросы** (интервьюирование) судей и народных заседателей; **метод экспертных оценок** (гг. Москва, Киев).

Методом исследования было и непосредственное изучение уголовных дел, в частности, с отмененными и измененными приговорами (автором диссертации лично изучено 250 дел, по которым были допущены судебные ошибки).

Изучались определения (постановления) вышестоящих судов об отмене и изменении приговоров, а также обобщения материалов судебной практики, подготовленные в Министерстве юстиции СССР, Верховном Суде СССР, Верховных судах ряда союзных республик.

В диссертации нашли широкое применение **статистические методы** исследования. В Верховном Суде СССР и Министерстве юстиции СССР автор диссертации изучил и проанализировал государственную судебную статистику по Союзу ССР и некоторым союзным республикам за 40 лет (1937—1976 гг.), что позволило выявить ряд статистических закономерностей и дать им содержательную интерпретацию. Изученные статистические данные не публиковались и не подвергались в прошлом изучению в научной литературе. Математико-статистические методы были применены и

¹ Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам ВНИИ судебных экспертиз МЮ СССР, где в течение ряда лет осуществлялась машинная обработка данных, выявленных социологическими исследованиями.

для анализа социологических данных (вторичные и более сложные группировки, коэффициенты корреляции и др.).

В работе над диссертацией широко использовались и так называемые **традиционные методы исследования** — теоретический, логический анализ правовых понятий, концепций, норм, который в ряде случаев и сам по себе, без социологического исследования, достаточен для выявления «сильных» или «слабых» мест в системе гарантий правосудия. Следует со всей определенностью сказать, что теоретический, концептуальный подход к любой изучаемой проблеме был, есть и будет альфой и омегой подлинно научного, в частности, социологического и статистического исследования, программа которого основывается на концепциях, научных гипотезах и которое завершается теоретическим осмысливанием эмпирического материала.

Реализация исследования

Социологическое исследование правосудия с помощью статкарточки на отмененный приговор проведено в 1973—1976 гг. при непосредственном участии Министерства юстиции СССР. Подготовленный автором диссертации научный отчет о результатах исследования (см. приложения к диссертации) направлен в 1976 г. Институту государства и права АН СССР в Министерство юстиции СССР. Отчет использован в аналитической работе Управления общих судов МЮ СССР. На основе собранных в результате исследования данных автор диссертации подготовил также два научных обобщения, из которых одно направлено Институтом государства и права АН СССР в Отдел административных органов ЦК КПСС, а другое — в Прокуратуру СССР (1976 г.).

Научные обобщения результатов исследований, проведенных в прошлом авторским коллективом, в который входил диссертант, направлялись Институтом государства и права АН СССР в Отдел административных органов ЦК КПСС и в Верховный суд СССР (1969—1970 гг.). Таким образом социологические исследования правосудия, начатые в период подготовки диссертации, проводятся систематически и стали достоянием практики.

Данные социологических исследований использовались в качестве материалов к проекту постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июля 1970 года.

Подготовленная при участии автора диссертации монография «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок» в соответствии с поступившими на нее заявками направлена в юридические учреждения союзного значения, Министерства юстиции и Верховные Суды всех союзных республик, в областные, краевые суды, отделы юстиции исполкомов, в вузы и НИИ.

Структура диссертации

Структура диссертации определяется необходимостью решения проблем эффективности правосудия методологического и общетеоретического (введение, главы I—II), методического (глава III) и эмпирического (глава IV) характера.

Приложения к диссертации содержат научный отчет о результатах исследования судебной практики с помощью статкарточки на отмененный приговор; некоторые результаты изучения личности судьи и условий его работы на основе анкетного опроса судей; критический обзор советской юридической литературы по вопросу об измерении эффективности норм права и государственных институтов; критический обзор советской юридической литературы по вопросу о целях советского уголовного процесса и правосудия по уголовным делам; историко-правовой анализ судебных ошибок в практике буржуазной юстиции; инструментарий социологических исследований, проведенных при подготовке диссертации.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава диссертации посвящена изучению социальной природы советского правосудия и его целей. Деятельность суда по отправлению правосудия рассматривается как последовательное применение им норм процессуального и материального права. Применение права и юридическая квалификация деяния, по мнению автора, близкие, но не тождественные понятия. Квалифицировать — значит оценить, подвести единичное явление под какое-то общее правило. Уголовно-правовую квалификацию деяния осуществляют, в пределах своей компетенции, и следователь, и прокурор, и суд. Но по делам, которые не были прекращены на предварительном следствии, применяет нормы уголовного права только суд, который выносит властный акт-приговор, констатирующий право государства на уголовное наказание обвиняемого либо признающий его невиновным. Применение судом норм материального права включается в содержание правосудия, осуществляемого в процессуальных формах.

Суд осуществляет социальный контроль, обеспечивая необходимую степень единообразного поведения граждан в соответствии с правовыми предписаниями. Контроль суда распространяется и на должностных лиц, ведущих расследование и осуществляющих прокурорский надзор.

Правосудие по своей природе не только юридический, но и в широком смысле социальный институт (участие народа в отправлении правосудия, гласность судопроизводства, его влияние на моральные ценности общества). Социалистическое государство несет перед народом ответственность за состояние правосудия, а с другой стороны, правосознание народа в значительной мере определяет уровень и нравственный облик судопроизводства.

Отправление правосудия — это деятельность по реализации особой своеобразной функции государства. Разграничение функций государства по сфере приложения социальных усилий (внешние и внутренние; хозяйственно-организаторская, культурно-воспитательная, обороны страны и т. д.), не исключает других классификаций, в частности, основанных на специфичности метода решения единых государственных задач (законотворчество, исполнительно-распорядительная деятельность, правосудие, прокурорский надзор). Даже высшие органы государственной власти не могут, игнорируя установленное законодательством распределение государственных функций, взяться за осуществление правосудия — для этого есть суд. Автор диссертации не разделяет высказанное в литературе мнение о том, что функцию правосудия может осуществлять Президиум Верховного Совета СССР в случаях, когда он рассматривает протест Генерального прокурора СССР на постановление Пленума Верховного Суда СССР, внесенный в порядке ст. 29 Положения о прокурорском надзоре в СССР (В. П. Нажимов). По смыслу ст. 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, Генеральный прокурор СССР не вправе приносить протесты в Президиум Верховного Совета СССР на приговоры по конкретным делам, которые представляют собой акты правосудия и поэтому не могут быть отменены, изменены или иным образом пересмотрены Президиумом Верховного Совета СССР. Протест Генерального Прокурора СССР может быть принесен лишь на руководящее разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, если в нем, по мнению Генерального прокурора СССР, неправильно истолкован закон. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР по своей природе не являются актами осуществления правосудия.

В диссертации защищается точка зрения, согласно которой вопросы о назначении избранных судей на определенные судебные должности, их освобождении от должности или досрочном отзыве не должны решать исполнительно-распорядительные органы. В связи с этим вносится предложение, чтобы не исполнительные комитеты Советов народных депутатов, а сами эти Советы на своих сессиях утверждали председателей судебных коллегий и состав президиума областного (краевого) суда; отзывали с занимаемой должности председателя областного (краевого) суда, его заместителя, членов суда и народных заседателей; досрочно освобождали народного судью от должности по его просьбе. В связи с этим предлагается изменить соответственно формулировки ст.ст. 20, 36, 37 Закона о судостроительстве РСФСР. Принцип избрания, освобождения и отзыва судей органами государственной власти (сессиями Советов) или непосредственно избирателями, по нашему мнению, должен быть проведен в жизнь более последовательно.

Понятие правосудия не совпадает с понятием уголовного процесса в его судебных стадиях. Органом осуществления правосудия

может быть только суд, тогда как субъектами уголовного процесса являются прокурор, обвиняемый, защитник и другие его участники.

В связи с актуальностью проблемы эффективности правосудия приобрел особое значение вопрос об управленческой природе его целей.

Цели правосудия полностью укладываются в общее понятие цели, выработанное марксистско-ленинской философией, социологией и кибернетикой («предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлено действие» — М. М. Розенталь; «опережающее отражение действительности» — П. К. Анохин; «идеальная модель будущего» — Б. С. Украинцев). В то же время они имеют ряд особенностей, а именно: 1) цели правосудия формулируются законом и поэтому определяются наукой не произвольно, а с учетом этих формулировок; в то же время законодательное закрепление целей правосудия осуществляется на основе научных разработок; 2) цели правосудия включаются в содержание правовой нормы, нарушение которой судом влечет применение санкций; 3) закон требует, чтобы цели правосудия достигались в полном объеме всеми судами уже теперь (мобилизующее значение закона), но это вовсе не означает, что они не укладываются в философское определение цели, так как: а) идеальное, полное, абсолютно безошибочное достижение всеми судами целей правосудия — дело будущего, хотя очень многие суды уже теперь достигли этого высшего уровня; б) приступая к рассмотрению каждого дела, суд стремится к цели, которая должна быть достигнута в результате разрешения этого дела, т. е. в будущем.

В ст. ст. 2, 3 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик содержатся весьма широкие формулировки целей правосудия, которые недостаточно специфичны для судебной деятельности и по существу могут быть распространены на деятельность многих правоохранительных органов. В диссертации предпринята попытка дать более узкое определение целей правосудия по уголовным делам, свойственное только этому виду государственной деятельности. По мнению диссертанта, к целям правосудия по уголовным делам следует отнести следующие нормативные требования:

1. Каждое уголовное дело должно быть правильно разрешено, т. е. по нему необходимо: а) достоверно и полно установить все фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР), либо констатировать их отсутствие (недоказанность); б) правильно применить необходимую норму уголовного права либо установить отсутствие состава преступления, а также правильно применить соответствующую норму гражданского права, если судом принимается решение о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, или суд отказывает в этом; в) назначить подсудимому справедливое нака-

знание с учетом всех обстоятельств, влияющих на его вид и меру, либо обоснованно отказаться от применения уголовного наказания; г) разрешить процессуальные вопросы частного характера (как поступить с вещественными доказательствами, на кого возложить судебные издержки, отменить, изменить или оставить прежней меру пресечения и т. п. — см. ст. 303 УПК РСФСР).

II. Производство в судах должно вестись таким образом, чтобы при этом строго соблюдались требования социалистической законности, что означает: а) соблюдение судами требований законов в своей собственной деятельности; б) обеспечение судами точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами в процессе осуществления правосудия; в) охрану прав и законных интересов всех физических и юридических лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве; г) воздействие на лиц, нарушивших закон.

III. Должно быть достигнуто максимально возможное воспитательное воздействие правосудия по уголовным делам на граждан.

IV. Должен быть возмещен ущерб, причиненный преступлением.

V. В необходимых случаях суд должен принять меры, направленные на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Цели правосудия определенным образом соотносятся: достижение одной влияет на достижение другой. Ведущими являются три первые цели, тогда как четвертая и пятая — факультативны (они ставятся перед судом не по каждому делу).

Цели правосудия, как правило, непротиворечивы, и судебная система в состоянии одновременно достичь их в значительной степени. Однако в ряде ситуаций, заранее предвидимых законодателем, возникают коллизии, которые представляется возможным устранить, отдав предпочтение большему достижению одной цели за счет меньшего достижения другой.

Интересы раскрытия преступлений и наказания виновных требуют в некоторых определенных законом ситуациях ограничения таких основных прав граждан, как неприкосновенность личности (меры пресечения, освидетельствование и др.), жилища (обыск, выемка), тайна переписки (наложение ареста на корреспонденцию и осмотр ее), и применения в соответствующих случаях процессуального принуждения.

С другой стороны, законодатель заведомо идет на то, чтобы некоторое число преступлений осталось нераскрытым, истина по ряду дел не установленной либо установленной большими социальными усилиями, отдавая предпочтение достижению другой цели правосудия — охране прав и законных интересов личности.

Законодатель берет под защиту личные интересы потерпевшей по делам об изнасиловании (ч. I ст. 117 УК РСФСР), ставя в зависимость от ее усмотрения само производство по делу. Не хочет

потерпевшая — и преступление, даже столь тяжкое, не будет раскрыто, виновный не будет установлен и наказан.

Оскорбление личности, клевета, побои, легкие телесные повреждения без расстройства здоровья — это преступления, выявление, предупреждение и учет которых, как и вообще всех преступлений, составляют заботу государства. Однако если потерпевший и подсудимый достигли примирения до удаления суда в совещательную комнату, то дело подлежит прекращению (ст. 27 УПК РСФСР), из него следует, что государство отказывается от поисков истины по такого рода делам, ставя на первое место личные интересы сторон, стремящихся восстановить добрые отношения между собой путем примирения (исключение представляют случаи, когда в дело вступает прокурор, полагающий, что оно имеет не частный, а публичный характер).

Не допускается изъятие из внутренних полостей тела вещественных доказательств (пуль, ампул и т. д.) без явно выраженного согласия лица на проведение медицинского вторжения в его организм; при этом должны отсутствовать противопоказания и должен быть исключен риск вредных последствий (смерть, болезнь). Отсутствие такого рода согласия иногда служит серьезным препятствием для обнаружения истины по уголовному делу, однако в данном случае интересы личности дороже. Таких ситуаций в уголовном процессе немало (особенно при собирании доказательств).

Официально признанную и социально одобряемую «иерархию ценностей» в уголовном процессе нельзя понимать так, что якобы априорно провозглашается большая ценность достижения одной цели правосудия по сравнению с другой. Речь идет о преобладании одной ценности над другой не вообще, а в определенных, указанных в самом законе, коллизионных ситуациях.

Новое в подходе диссертанта к проблеме целей правосудия состоит в следующем: а) цели рассматриваются как официальное выражение в законе определенных общественных потребностей; б) цели представлены в качестве необходимого условия управления системой; в) предпринята операционализация формулировок целей правосудия, при этом они отделены от целей надсистемы и смежных подсистем; г) общественно полезная цель и тем более ее достижение признаются социальной ценностью; д) «взвешивание» ценностей в коллизионных ситуациях рассматривается как способ оптимизации системы правосудия самим законодателем; е) индивидуальные интересы и цели конкретных лиц — участников процесса иногда противоречат законным интересам и целям соответствующих «среднестатистических», т. е. обезличенных законом субъектов судопроизводства — это отклонение признается дисфункцией системы; ж) установленные законом функции субъектов процесса неотделимы от процессуальных целей, которые закон перед ними ставит (вводится понятие «функция цели»); з) различаются **основные** функции — цели, определяющие общую конструкцию процесса

(расследование, обвинение, защита, судебное рассмотрение и разрешение дела, прокурорский надзор) и объединяющие лиц с собственным или представляемым (личным или публичным) интересом по уголовному делу, которые в рамках общей для них функции выполняют также свои специфические задачи, и, условно говоря, неосновные функции — цели, а именно: сообщение информации о подлежащих доказыванию обстоятельствах (свидетели, эксперты, обвиняемые, подозреваемые, потерпевшие, выступающие в данном случае как источники информации); содействие правосудию путем выполнения вспомогательно-технических задач (секретарь судебного заседания, специалист, переводчик); выполнение разовых требований суда лицами, не занимающими определенного процессуального положения в деле (опознаваемые, лица, представляющие суду доказательства, и т. п.); и) по мнению автора, любой из указанных субъектов процесса выполняет согласно закону определенную функцию и преследует заданную ему законом цель; из функций-целей «внутри» судопроизводства возникают функции-цели правосудия «на выходе» данной системы, а из взаимодействия правосудия с деятельностью других правоохранительных органов складываются функции-цели более широкой системы уголовной юстиции (эти три уровня показаны на приведенной в диссертации схеме).

Вторая глава диссертации посвящена изучению проблем общей теории эффективности правосудия. В некотором отношении эта теория шире процессуальной и уголовно-правовой наук, поскольку она изучает не только закон, но и неправовые гарантии эффективности правосудия (социальные характеристики личности судьи, условия его работы, НОТ в суде и т. д.). В рамках данной теории процессуальный и уголовный закон изучаются под функциональным углом зрения (как средства достижения целей правосудия) и включаются в более широкую управляющую систему.

Предмет теории эффективности правосудия представляется следующим: 1) общая концепция эффективности правосудия (содержание основополагающих категорий «оптимальность», «эффективность», «социальная обусловленность» и «ценность» правосудия, гносеологическая и управленческая природа его целей); 2) система социально-экономических, идеологических, политических, социокультурных, правовых условий эффективности правосудия; 3) критерии и показатели, необходимые для измерения эффективности правосудия и уровня его организационного совершенства; 4) методики измерения эффективности правосудия, рассчитанные на использование статистики, социологических исследований и применение счетно-аналитической техники; 5) причины дисфункций в системе социального управления правосудием и разработка научно-обоснованных мер по их устранению.

Теория эффективности правосудия по уголовным делам может быть включена в теорию эффективности всего правосудия либо в

теорию эффективности всего уголовного судопроизводства. Это так называемые теории «среднего уровня», обеспечивающие переход от абстракций высокой степени общности к эмпирическим данным, используемым в целях управления.

Определение содержания основополагающих категорий «оптимальность» и «эффективность» правосудия затруднено из-за существенных разногласий между юристами, изучающими эту проблему на уровне общей теории государства и права. В диссертации дан подробный анализ трех основных концепций, из которых одна определяет эффективность норм права и государственных установлений через степень достижения поставленных перед ними целей и этим ограничивает их оценку (И. И. Веремеенко, Л. Л. Попов, А. П. Шергин, Н. Ф. Кузнецова и др.); вторая конструирует более широкую категорию «оптимальность», включающую эффективность в указанном выше смысле, полезность (изучение действия нормы с учетом побочных последствий ее применения) и экономичность нормы или государственного установления (И. С. Самошенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров и др.); третья оперирует понятием «эффективность» в смысле достижения целей при наименьших затратах материальных средств, времени, энергии и отвергает категорию «оптимальность» (И. В. Шмаров, Л. И. Спиридонов, Г. А. Туманов, В. А. Козлов, А. И. Михайлов, М. П. Лебедев, К. Ф. Скворцов и др.).

Критическое рассмотрение указанных концепций позволило автору определить собственную теоретическую конструкцию, пригодную, по его мнению, для всесторонней оценки правосудия. Самым широким понятием в этой конструкции является **оптимальность правосудия** по уголовным делам, состоящая из следующих компонентов:

- I. Обусловленность правосудия социальными потребностями.
- II. Целеполагание (задание правосудию полезных целей).
- III. Целедостижение (эффективность правосудия в узком смысле слова).
- IV. Организация достижения целей правосудия внутренними средствами системы (рациональное использование имеющихся ресурсов — людей, денежных фондов, техники, информации и др.).
- V. Организация достижения целей правосудия средствами внешней среды (предоставление ресурсов и оказание управляющих воздействий).

Оптимальная организация судебной деятельности — условие эффективного правосудия. Организация имеет две основные цели: а) достичь результатов, специфичных для той системы, ради которой она создана и функционирует; б) затратить при этом как можно меньше социальных усилий и обеспечить возможно большую производительность труда.

При оптимизации правосудия приходится «уравновешивать» две противоположные тенденции. Приближение достигнутых суда-

ми результатов к идеальным целям правосудия требует дополнительных социальных затрат. С другой стороны, научно-технический прогресс и другие положительные факторы позволяют сокращать эти затраты, совершенствуя организацию труда в судах.

В диссертации предложена следующая классификация элементов организации, необходимых для обеспечения эффективности правосудия:

I. Ресурсы.

1. По сфере использования они делятся на ресурсы: 1) правосудия (отдельно по уголовным и гражданским делам); 2) всех видов судебной деятельности (правосудие, правовая пропаганда, помощь товарищеским судам и т. д.); 3) социальной среды (первоисточник всех ресурсов).

Среда выделяет в автономное распоряжение судебной системы определенную часть ресурсов, сохраняя в то же время возможность изменения их объема и стоимостной оценки.

2. По форме выражения ресурсы судебной системы делятся на:

1) **человеческие**, то есть необходимую совокупность людей (судьи, народные заседатели, свидетели, эксперты, другие участники процесса), усилия которых оцениваются через определенные затраты энергии, рабочего времени и могут иметь денежное выражение;

2) **материальные**: а) технические средства (транспорт, оргтехника и т. д.); б) здания, оборудование; в) материалы (бумага, журналы учета, картотеки и т. д.);

3) **материально не оцениваемые**: а) способ организации судебной системы, прокуратуры, адвокатуры, экспертных учреждений; б) правила осуществления правосудия, определяемые нормами процессуального и материального права; в) уровень культуры и правосознания судей и других участников процесса, их психологические данные и другие качественные характеристики; г) судебная информация; д) другие.

II. Издержки — фактически израсходованные ресурсы судебной системы и среды:

1. **Выражаемые** через: 1) затраты человеческой энергии участников процесса; 2) затраты рабочего времени; 3) денежные затраты и амортизацию; 4) не имеющие материального выражения (в том числе некоторые побочные результаты);

2. **Классифицируемые по социальной полезности**: 1) при данных условиях объективно необходимые; 2) при данных условиях излишние (потери).

III. Способы минимизации издержек:

1. **По отношению к целям системы** делятся на: 1) оптимальные (не снижающие уровень достижения целей); 2) неоптимальные (снижающие уровень достижения целей);

2. По источникам: 1) повышение **производительности** и совершенствование **организации труда** в судах; 2) **социальная экономия** (вызов в суд действительно необходимых свидетелей, совершенная процессуальная форма, уменьшение затрат, обусловленных необходимостью исправления судебных ошибок, и др.).

Рассматривая соотношение между характером применяемых судом норм права и эффективностью деятельности суда по их применению, автор выделяет четыре возможные ситуации: 1) оптимальные нормы права эффективно применяются судом (это наиболее типично для советского правосудия); 2) оптимальные нормы права неэффективно или недостаточно эффективно применяются судом (в процессе правоприменительной деятельности возможны искажения смысла норм права, ошибки и просчеты, подмена правовых предписаний усмотрением должностных лиц); 3) неоптимальная норма права или несовершенный институт последовательно («эффективно») применяются судом (в данном случае следует говорить о формально правильном применении нормы права, которая может приносить обществу вред); 4) неоптимальная норма права каким-то образом корректируется судом (это решение для советского правосудия неприемлемо, но суд не лишен возможности положительно повлиять на реализацию неоптимальной нормы, используя для этого другие средства: в большей или меньшей мере прибегать к общественным или административно-правовым мерам воздействия на преступность, применять наказания ближе к верхнему или нижнему пределу санкций).

Судебная организация и правосудие рассмотрены в диссертации как сложные социальные системы в четырех ракурсах: 1) система судов; 2) система инстанций; 3) система субъектов процесса и возникающих между ними правоотношений (этот вопрос рассмотрен в гл. I); 4) система условий (факторов, гарантий) эффективности правосудия.

При рассмотрении **системы судов** выделены пять основных управляющих воздействий: 1) политическое руководство; 2) комплектование и подотчетность судов; 3) организующее влияние закона на деятельность судов; 4) процессуальное руководство судами со стороны вышестоящих судов; 5) организационное руководство судами, осуществляемое исполнительно-распорядительными органами общей компетенции и Министерством юстиции. Впервые применен матричный способ описания судебной системы и ее взаимодействия с другими государственными подсистемами.

Система судебных инстанций достаточно надежна. Однако в ней имеются и такие **узлы**, эффективность которых недостаточна. Это относится, прежде всего, к стадиям **предания суду и кассационного производства**. В диссертации рассматриваются некоторые причины недостаточной эффективности указанных стадий процесса и вносятся предложения, направленные на их устранение.

Предлагается изменить закон с тем, чтобы не допускать осуществления одними и теми же лицами функции **предания суду** и функции последующего судебного разбирательства; ввести обязательные распорядительные заседания по делам о тяжких преступлениях; предоставить обвиняемому и защитнику право на участие в распорядительных заседаниях и на обжалование постановлений (определений) о предании суду.

В целях дальнейшего совершенствования кассационного производства предлагается: обратить особое внимание на **организацию труда** в судах второй инстанции (снижение служебной нагрузки до нормальной, замена «зонального принципа» руководства народными судами специализацией или сочетанием этих принципов, введение системы оценок труда, которая бы исключала стремление отдельных судей второй инстанции обеспечивать благоприятные для себя формально-цифровые показатели работы); решить некоторые **кадровые вопросы** (подбор для кассационных инстанций судей, имеющих опыт работы в народном суде, обоснование оптимальных возрастных пределов для членов судов); **совершенствовать нормы права**, определяющие процедуру кассационного производства (ввести в закон перечень случаев обязательного участия защитника в заседаниях кассационной инстанции, возложить на суд обязанность обеспечить вручение подсудимому или его защитнику копии кассационного протеста прокурора и жалобы потерпевшего).

Система условий эффективности правосудия, разработанная в диссертации, включает три уровня: глубинные факторы, оказывающие влияние на государственную деятельность в целом (социально-экономические условия жизни общества, идеология, политика, культура, уровень развития науки); правовые гарантии эффективности правосудия по уголовным делам (уголовно-процессуальное право, уголовное право, определяемая законом организация судебной системы); социальные характеристики личности судьи и народных заседателей, а также других участников процесса (мировоззрение и правосознание, юридическая подготовленность, морально-этические качества, психологические свойства); условия работы и жизни судей (служебная нагрузка, техническая оснащенность судов, пригодность помещений, обеспеченность юридической литературой, стимулирование труда, обеспеченность жильем, нормальный отдых).

Каждый из намеченных в нашей схеме блоков представляет относительно самостоятельную систему, состоящую из множества более мелких элементов, вплоть до мельчайших звеньев — отдельных норм права, микрофакторов. Задача состоит в том, чтобы научиться исчислять функции структурных групп и системы в целом. Это — условие научного, планомерного управления системой.

В научном отношении менее разработан третий уровень условий эффективности правосудия (характеристики личности судьи, других участников процесса и условий их трудовой деятельности).

Министерство юстиции СССР и его органы принимают ответственные государственные решения, направленные на совершенствование организации судебной работы с целью повышения ее эффективности, опираясь на тщательно планируемую научную разработку соответствующих проблем. Результаты теоретического изучения организационно-кадровых предпосылок эффективности правосудия все в большей мере становятся основой государственной судебной политики¹.

Диссертант, не претендуя на всестороннее раскрытие этих проблем, ограничивается рассмотрением некоторых из них, притом лишь в аспекте, позволяющем проследить зависимость между рядом организационно-кадровых факторов и качеством отправления правосудия.

При изучении уровня профессиональной подготовки судей выделены: юридическое образование, профессиональное совершенствование в процессе трудовой деятельности, государственная система повышения квалификации судей.

В условиях, когда почти все судьи (около 96%) уже имеют высшее юридическое образование, приобретает особое значение вопрос о качестве этого образования и структуре правовых знаний, оптимально необходимых для исполнения судебных обязанностей.

По мнению автора, повышению качества высшего юридического образования, наряду с другими мерами, могло бы способствовать изменение соотношения между заочной (вечерней) и дневной формами обучения в пользу последней, которая, по данным ряда исследователей (Т. Г. Морщакова, Л. А. Соя-Серко), обеспечивает получение более прочных, глубоких и разносторонних знаний, а также направление выпускников юридических вузов на работу по избранной специальности. Наблюдавшаяся в последние годы тенденция к расширению заочного и вечернего юридического образования (в 1952 г. — 40%, а в 1975 — 70% выпускников юридических вузов прошли через эти формы обучения) теперь вряд ли может быть оправдана².

Автор вносит ряд предложений, направленных на то, чтобы приблизить специализацию студентов старших курсов к условиям их будущей судебной работы. Большинство лиц, впервые избран-

¹ Необходимые исследования проводятся Министерствами юстиции СССР и союзных республик, принимающими во внимание также научные работы отдельных авторов и авторских коллективов. См.: Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975; Радутная Н. В. Народный судья. Профессиональное мастерство и подготовка. М., 1977; Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Социологические аспекты изучения эффективности правосудия. — В кн. «Право и социология». Под ред. Ю. А. Тихомирова, В. П. Казмирячука. М., 1973, с. 275—290; «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок». ч. I. Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1975.

² Вышинский М. П. Совершенствование хозяйственного законодательства и вопросы подготовки юридических кадров. — «Советское государство и право», 1977, № 6, с. 62.

ных народными судьями (3/4), не являются молодыми специалистами, только что окончившими вузы. Широкая практика избрания судьями лиц, уже имеющих опыт работы по другим юридическим специальностям, в какой-то мере снимает с вузов ответственность за подготовку выпускников, способных в короткий срок овладеть профессией судьи. По мнению автора, обе формы комплектования контингента народных судей должны применяться на практике, однако необходимо найти оптимальное соотношение между ними путем изучения процесса профессиональной адаптации лиц, избранных судьями. Представляется, что роль вузов в обеспечении судов квалифицированными кадрами должна возрастать.

Профессиональная ориентация будущих работников юридических учреждений должна осуществляться в вузах. Запоздалая ориентация сопряжена со значительными социальными издержками. Поэтому актуальна задача разработки профессионаграммы для лиц, претендующих на занятие судейской должности, проведения психологических экспериментов с использованием научно обоснованных тестов и поиска других методов профотбора судей.

Исследования, проводившиеся в течение ряда лет, позволили выявить следующую закономерность: в группах судей со стажем 2 и 3 года гораздо больше доля лиц, имеющих отмененные и измененные приговоры, чем в группах судей с иным стажем работы (не имели отмены приговоров за год при стаже от 1 до 2 лет — 32,8%, от 2 до 3 лет — 31%, от 4 до 5 лет — 44% судей). Это дает основание для вывода, что ни подготовка в вузе, ни стажировка при суде, ни опыт первого года судейской службы, когда судье оказывают особенно большую помощь, меньше загружают его работой, не поручают рассмотрение сложных дел, — все это еще не вполне формирует зрелого специалиста, способного безупречно справляться со своими обязанностями. Опираясь на эти данные, автор предлагает ввести звание «кандидат на судебные должности» со сроком работы в суде 1—2 года и сдачей квалификационного экзамена авторитетной комиссией перед избранием на должность народного судьи.

Полученные данные позволяют автору рекомендовать судам и органам Министерства юстиции обратить особое внимание на судей со стажем работы 2—3 года при планировании и осуществлении мероприятий по повышению квалификации судей и оказанию им помощи, а также при проведении проверок организации работы судов.

Исследование показало значительную зависимость качества судебной работы, определяемого распространенностью ошибок, от факторов, охватываемых понятием НОТ (коэффициент корреляции — 0,976).

Выявлена казалась бы очевидная тенденция: по мере роста служебной нагрузки качество правосудия как по уголовным, так и по гражданским делам ухудшается. Однако интерпретация полу-

ченных данных может представлять научный и практический интерес: а) опровергается все еще распространенное представление, что хорошие судьи будут работать без ошибок и при очень высокой нагрузке, а плохие будут допускать ошибки и при низкой нагрузке (это суждение может быть правильным применительно к отдельным личностям, но на статистическом уровне оно неверно); б) влияние нагрузки на качество работы поддается точному измерению, при этом виден весь статистический ряд, в котором можно выделить критические точки; в) изучение соотношения нагрузки и качества дает основание для обоснованного нормирования: в частности, выявлено, что в группе судей со средней нагрузкой до 7 уголовных дел в месяц качество отправления правосудия остается довольно высоким, а при большей нагрузке оно резко ухудшается (коллегия Министерства юстиции СССР на заседании 11 апреля 1975 г. признала нормальной нагрузку не более 6 уголовных дел в месяц); г) оптимальное нормирование труда судьи предполагает необходимость введения коэффициентов сложности уголовных и гражданских дел; д) при прочих равных условиях более высокой оценки заслуживает тот, кто работает с большей нагрузкой; е) следует учитывать специфические условия, в которых работают сравниваемые судьи (уровень преступности, развитость правосознания населения, размер обслуживаемой территории, наличие путей сообщения, климатические факторы): при одинаковом качестве работы и равной служебной нагрузке предпочтение должно быть отдано судам, работающим в более трудных условиях внешней среды.

В диссертации исследован мало разработанный вопрос о зависимости объема судебной работы от изменений в уголовной политике, в частности, вызванных разным подходом к пониманию роли общественности и административно-правового принуждения в борьбе с преступностью. Изменения объема работы, иногда значительные, не всегда влияли на уровень ресурсов, выделявшихся для судебной системы. Обеспечение этой системы человеческими ресурсами упирается в **проблему нормирования труда**. Необходимы наблюдения, которые позволили бы определить оптимальную, т. е. основанную на опыте лучших судей, продолжительность рассмотрения в суде одного уголовного дела (отдельно по каждой категории дел — об убийствах, изнасилованиях и т. д.), одного гражданского дела (по категориям дел) и всех иных трудовых операций судьи (подготовка к слушанию дел, правовая пропаганда и т. д.). Зная количество дел различных категорий, иных видов работ, выполняемых судьями за год, и исходя из эмпирически установленной оптимальной продолжительности каждого вида деятельности, можно определить общий массив времени, необходимый для выполнения судами всего объема работы. Исходя из установленного трудовым законодательством 8-часового рабочего дня, можно далее установить количество судей, способных при нормальной нагрузке обеспечить качественное выполнение этой работы. Применение этого

метода расчета штатной численности судей и других работников суда предполагает прогнозирование объема судебной работы с учетом динамики преступности, изменений в уголовной политике, законодательстве и т. д.¹

Изучен вопрос об оптимальном **распределении рабочего времени судьи по трудовым операциям** как условию эффективности правосудия. Исследованием установлено, что на отправление правосудия народный судья тратит лишь 50—60% своего рабочего времени. В некоторых судах наблюдается тенденция к возложению на судей все большей нагрузки по правовой пропаганде. В ряде случаев это сопряжено с экономией времени за счет менее внимательного рассмотрения уголовных и гражданских дел, что совершенно недопустимо. Отправление правосудия в соответствии с законом следует рассматривать как основную форму правовой пропаганды, осуществляемой судьями.

Рассмотрев доводы за **специализацию** в работе судей и против нее, автор пришел к выводу, что специализация полезна, если в народном суде работают несколько судей. Исследования подтверждают, что специализация обеспечивает лучшее качество работы судей при меньших затратах времени на рассмотрение дел. «Издержки» специализации можно нейтрализовать путем постепенного (по мере роста профессионального мастерства) укрупнения категорий дел, распределяемых между судьями, и периодического изменения профиля работы судей.

При изучении проблемы **стимулирования труда** народных судей установлено, что в последние годы их материальная обеспеченность значительно возросла. Доля народных судей, у которых на одного члена семьи (с учетом заработка всех ее членов) приходилось не более 70 руб., составила: в 1967—1968 гг. — 54,2%, а в 1973 г. — 39,5%. Однако по мере увеличения стажа работы народного судьи (до 20 лет) материальный уровень его жизни снижается в связи с увеличением состава семьи (данные социологического исследования). В целях усиления материального стимулирования судей с учетом особой напряженности их труда автор предлагает ввести процентную надбавку за выслугу лет для всех судей; снизить на 5 лет пенсионный возраст для народных судей; ежегодно рассматривать на заседаниях специальных комиссий, состоящих из председателя народного суда, представителей вышестоящего суда и Министерства (отдела) юстиции, вопрос о возможности выдвижения на вышестоящие должности народных судей, имеющих стаж 10 и более лет судебной работы.

Третья глава диссертации посвящена проблемам измерения степени достижения целей правосудия, которые выступают в качестве критериев его эффективности, а именно: I — правильное разреше-

¹ Морщакова Т. Г. Научная организация труда в судах как условие сокращения судебных ошибок. — В кн. «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок». Под ред. В. Н. Кудрявцева, ч. I. М., 1975, с. 226—271.

ние дел; II — соблюдение в судах законности, охрана прав граждан; III — воспитательный эффект правосудия; IV — возмещение ущерба, причиненного преступлениями; V — меры предупреждения преступлений, принимаемые судом. Существуют также критерии организации правосудия. Измерение уровня оптимальности правосудия производится путем нахождения наиболее приемлемых соотношений между целевыми функциями применительно к «критериям качества» и «критериям организации». Каждый критерий характеризуется набором количественных показателей. В диссертации рассматриваются требования, которым должны отвечать эти показатели.

По мнению автора, цифры преступности не могут напрямую использоваться в качестве показателя эффективности правосудия, т. к. в них отражено влияние на преступность и факторов социально-экономического, идеологического, социокультурного и иного характера. «Вычленение» действия на преступность именно правосудия пока неосуществимо. Цифры преступности могут расти при улучшающемся и снижаться при ухудшающемся качестве судебной работы. В отдельные периоды цифры преступности растут в результате лучшей раскрываемости преступлений.

Цифры судимости далеко не в полной мере характеризуют подлинное состояние преступности, т. к. в отдельные периоды расширяется или сужается сфера общественного и административно-правового воздействия на преступность. Увеличение или уменьшение числа осужденных может использоваться в качестве показателя повышения социальной эффективности правосудия при условии, что эти изменения вызваны подлинной социальной потребностью: действительность правосудия в данном случае опосредована эффективностью уголовной политики.

Общая оценка эффективности правосудия может быть осуществлена по критерию I (вынесение судами законных и обоснованных приговоров) путем выявления уровня латентных судебных ошибок. С этой целью в 1975—1976 гг. неоднократно опрашивались с применением социологического метода экспертных оценок члены Верховных судов союзных республик, автономных республик, областных и краевых судов. Использование этого метода контролировалось анализом статистики (см. гл. IV) и изучением уголовных дел. По усредненным данным, латентность составила 12,5% от приговоров, отменяемых на всех контрольных стадиях процесса, и 0,3% от всех приговоров, вынесенных судами первой инстанции. Эти цифры характеризуют только те ошибки, которые могли бы быть исправлены отменой приговоров. В отношении измененных приговоров такого рода исследования затруднены.

В диссертации предложена общая формула для оценки эффективности правосудия по критерию I с учетом латентности.

$$K_э(I) = \frac{\text{Собщ.} - (\text{P. проц.} + \text{Л. проц.}) - (\text{P. уг.} + \text{Л. уг.})}{\text{Собщ.}}, \text{ где}$$

S общ. — общее количество приговоров; P. проц. — количество зафиксированных в статистике приговоров, содержащих процессуальные ошибки; P. уг. — количество зафиксированных в статистике приговоров, содержащих уголовно-правовые ошибки; Л. проц. — латентные ошибки процессуального характера; Л. уг. — латентные ошибки уголовно-правового характера.

Каждый из компонентов формулы «развертывается» в ряд слагаемых. Ошибки процессуального характера состоят из: полной недоказанности всех обвинений, недоказанности отдельных обвинений, недоказанности отдельных эпизодов обвинения, существенных нарушений процессуального закона, недоказанности оснований гражданского иска, дефектов приговора, других ошибок процессуального характера. Поскольку слагаемые неравноценны, вводятся весовые коэффициенты. Необходим и «второй ряд» весовых коэффициентов, характеризующих степень опасности преступлений, по которым были допущены ошибки. Ошибки уголовно-правового характера состоят из: ошибок в квалификации деяния, повлекших или не повлекших назначение неправильного наказания, ошибок в определении вида и меры наказания, признании лица особо опасным рецидивистом, определении вида режима ИТК, прочих уголовно-правовых ошибок. Здесь также вводятся два ряда весовых коэффициентов.

Показатели эффективности правосудия рассмотрены далее по отдельным стадиям судебного процесса (за исключением стадии исполнения приговора, которая имеет особую специфику). Каждая стадия оценивается по критерию I через количество и характер: а) ошибок, допущенных на предшествующих стадиях и выявленных в данной стадии (чем больше выявлено ошибок, тем лучше); б) ошибок, которые не удалось выявить, хотя возможности для этого были (чем больше не выявлено ошибок, тем хуже); в) ошибок, допущенных судом на данной стадии процесса (чем больше допущено ошибок, тем хуже). Эти три группы характеристик «развертываются» в системы операционализированных показателей, соединенных в формулы. Стадии оцениваются также по критериям II—V, каждый из которых по возможности представлен определенным «набором» показателей.

Две основные задачи стадии **предания суду** — проверка достаточности оснований для судебного разбирательства дела и создание для этого организационных предпосылок — выражены посредством количественных показателей.

В связи с необходимостью повысить воспитательный эффект судопроизводства и усилить его роль в укреплении законности автор предлагает законодательно закрепить право суда на вынесение частных (особых) определений в случаях, когда дело подлежит прекращению в стадии предания суду.

Эффективность стадии **судебного разбирательства** определяется по критерию I через соответствующие указанным трем аспектам оценки группы показателей, объединенных в формулы.

Из года в год улучшается качество предварительного следствия, что проявляется в тенденции уменьшения числа следственных ошибок, выявляемых в результате судебного разбирательства уголовных дел. Но повышение уровня требований судов к актам предварительного расследования действует в сторону увеличения числа выявляемых ошибок следствия. Из взаимодействия этих, на первый взгляд, противоположных тенденций возникает общий положительный результат. Но на отдельных этапах развития одна из тенденций может стать преобладающей.

В диссертации использованы статистические показатели, характеризующие «выявляемость» следственных ошибок судами первой инстанции (возвращение дел для доследования, прекращение дел, оправдание, частные определения на нарушения законности); с учетом неравноценности показателей им заданы разные весовые коэффициенты. В результате получены итоговые условные показатели «уровня требовательности» судов первой инстанции к актам предварительного расследования: 1971 — 3,4; 1975 г. — 3,88 (для сравнения взяты два года). Таким образом, работа судов в изучаемом аспекте стала эффективнее.

Распространенность и характер ошибок, допущенных на предварительном следствии, но не выявленных судами первой инстанции, установлены на основе соответствующих показателей кассационной и надзорной практики (доследование, прекращение дел, изменение приговоров, частные определения).

Статистические показатели не учитывают уровень латентных ошибок и недостатки судебного разбирательства, не повлекшие отмену и изменение приговоров. Поэтому нужны более точные и тонкие методы выявления качества работы судов первой инстанции.

Автор анализирует один из таких методов, разработанный Т. Г. Морщаковой (формализация и шкалирование ряда качественных характеристик судебного разбирательства с выставлением баллов) и вносит ряд предложений по его совершенствованию.

В диссертации предложена и другая методика выявления качества судебного разбирательства, основанная на статистике отмены и изменения приговоров в кассационном и надзорном порядке, но учитывающая ряд дополнительных показателей: латентность; соотношение тяжести ошибок, исправляемых отменой и изменением приговоров, выявленное в результате применения метода шкалирования — 1 : 0,75; зависимость тяжести ошибок от силы уголовной репрессии в разных регионах и периодах, исчисляемой в годах лишения свободы в среднем на одного осужденного (остальные виды наказаний соотнесены с лишением свободы с помощью весовых коэффициентов, предложенных Д. О. Хан-Магомедовым и Ю. Д. Блуштейном); долю ошибок, приходящуюся на дела о наиболее опасных преступлениях, в соотношении с долей этих преступлений в структуре преступности. Применение этого метода приводит иногда к неожиданным результатам: регионы с «хорошими» показателями отмены приговоров (по действующей системе оценок)

могут быть оценены хуже, чем регионы с соответствующими «плохими» показателями, так как при оценке учитываются и многие другие параметры, по которым определяется качество отправления правосудия.

Применение показателя латентности позволяет выделить в лучшую сторону регионы, где высокие % отмены и изменения приговоров — результат повышенных требований кассационных и надзорных инстанций. Автор предлагает провести эксперимент, рассчитанный на 2—3 года, по условиям которого качество работы вышестоящих судов оценивается тем выше, чем больше % отмены и изменения приговоров. К исходу эксперимента указанные % должны снизиться, так как повышенные требования к приговору неизбежно вызовут реальное улучшение работы судов первой инстанции, что не может не отразиться в цифрах.

Автор предлагает и рассматривает системы показателей, специфичных для критериев II, III, IV, V. По мнению автора, воспитательное воздействие судебного разбирательства в принципе можно измерить. При этом предлагаются некоторые подходы к решению этой трудной проблемы. Анализируются предпосылки воспитательного воздействия правосудия — гласность судебных процессов, их посещаемость, проведение выездных заседаний судов и уровень их организации, информированность населения о процессах и их результатах с помощью прессы, радио, телевидения, направление приговоров по месту работы осужденных и оправданных, обсуждение этих приговоров в коллективах, выступления судей и народных заседателей перед избирателями. Применительно к каждой из этих предпосылок приведены и проанализированы эмпирические данные (как правило, в динамике).

Анализируя воспитательное воздействие выездных заседаний судов, автор приходит к выводу, что на современном этапе главное — не увеличение их количества, а повышение культуры судопроизводства, усиление воспитательного воздействия процесса.

В целях повышения воспитательного воздействия правосудия автор предлагает включить в закон правило, согласно которому коллектив имеет право выделить общественного обвинителя или общественного защитника лишь после того, как уполномоченный им представитель ознакомится со всеми материалами дела, встретится с обвиняемым и доложит коллективу свое мнение о деле.

Автор считает, что судебное решение, которым реабилитирован осужденный, должно быть передано в ту организацию, куда ранее была направлена копия обвинительного приговора. Ст. 7 Основ гражданского законодательства дает основание утверждать: при последующей реабилитации осужденного газета, поместившая публикацию о якобы совершенном им преступлении, должна опубликовать опровержение.

Показатели эффективности контрольных стадий процесса (кассация, надзор, пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятель-

ствам) рассмотрены в диссертации как в целом, так и с учетом специфики каждой из этих стадий.

Для изучения «выявляемости» судебных ошибок были использованы показатели возвращения дел из вышестоящих судов для доследования и нового судебного рассмотрения, их прекращения, изменения обвинения с фактической и юридической стороны, смягчения наказания (в том числе с изменением квалификации деяния). Каждому показателю был задан «весовой коэффициент» и на основе этого — выведен итоговый условный показатель «выявляемости» судебных ошибок: 1971 г. — 8,38; 1975 г. — 6,3. Снижение показателя — результат улучшения работы судов первой инстанции, а также меньшей «изменяемости» приговоров к концу данного периода, вызванной определенными тенденциями в уголовной политике. Следует также учитывать особенности судебной практики 1971 г., когда «выявляемость» судебных ошибок была особенно высокой (см. гл. IV).

Показатели уровня ошибок, допускаемых самими вышестоящими судами, — невелики. Как правило, приговоры отменяются и *меняется обоснованно*. По мнению народных судей, вновь рассматривавших дела после отмены приговоров, недостатки, указанные в определениях (постановлениях) вышестоящих судов об отмене приговоров, подтвердились полностью в 82,5%, подтвердились частично в 12,6% и не подтвердились только в 4,9% случаев (1973—1974 гг.).

Показатели другой группы, характеризующие число ошибок, не выявленных вышестоящими судами, соответствуют уровню латентных судебных ошибок. Особенно много ошибок не выявляют **кассационные инстанции** (см. гл. II).

Детальное изучение существа **надзорной стадии** процесса и регламентирующего ее законодательства — не задача данного исследования, ограниченного разработкой лишь **показателей** эффективности этой стадии процесса.

Анализ этих показателей¹ позволил автору сделать следующие выводы: а) надзорное производство по объему работы перестало быть исключительным (количество надзорных жалоб по отношению к числу осужденных — 25,4%, к числу кассационных жалоб — около 200%), тогда как процедура этой стадии процесса имеет экстраординарный характер (истребование дел осуществляется по усмотрению определенного круга лиц; изучение жалоб, дел и подготовка надзорных протестов строго не регламентированы процессуальным законом; осужденные, а нередко и адвокаты при рассмотрении дел в надзорном порядке не присутствуют; суд может принять решение по жалобе осужденного не в его пользу и др.); б) очень много жалоб отклоняется без истребования дел (82,9%), хотя приговор и касса-

¹ Здесь не учитываются показатели работы прокуратуры в этой стадии процесса. За 100% (если иное не оговорено) приняты надзорные жалобы, поступившие только в судебные органы. Данные приведены за 1975 г. по Союзу ССР.

ционное определение, прилагаемые к жалобе, не всегда дают полное представление о достаточной обоснованности обвинения и соблюдении законности при расследовании и рассмотрении дел в судах; в) количество надзорных протестов достаточно велико по сравнению с числом изученных дел (20,5%), но очень мало по отношению к поданным жалобам (3,4%); г) «удовлетворяемость» судебных протестов гораздо выше (97,6%), по сравнению с прокурорскими (87,5%); д) надзорные инстанции отменяют почти столько же приговоров, сколько кассационные, хотя в их производстве находится в 4 раза меньше уголовных дел; е) быстрота реакции на судебные ошибки определяется тем, что 50% выявленных надзорными инстанциями ошибок были допущены в текущем году (этот показатель обнаруживает в последние годы тенденцию к некоторому сокращению в связи с улучшением работы кассационных инстанций).

Опираясь на приведенные данные, автор возражает против мнения о якобы существующей необходимости сократить число судебно-надзорных инстанций и лишить председателей вышестоящих судов (их заместителей) права опротестования приговоров в порядке надзора, с тем чтобы передать эту функцию прокуратуре (В. И. Басков и др.). Реализация этого предложения привела бы к увеличению латентных ошибок и усилению обвинительных тенденций в надзорной практике. Сокращение объема судебно-надзорной работы и превращение этой стадии в исключительную должно стать естественным результатом постепенного процесса повышения эффективности кассации.

В диссертации приведены доводы в поддержку мнения о том, что принесение надзорных протестов с целью усиления строгости наказания или отмены оправдательных приговоров председателями вышестоящих судов (их заместителями) несовместимо с положением суда в обществе и характером функции правосудия, которой чужды обвинительные тенденции (В. Б. Алексеев и др.). Автор полагает, что надо пойти и дальше: ввести запрет «поворота к худшему» для осужденного, жалоба которого является единственным поводом к истребованию дела и принесению надзорного протеста.

Практика обхода запрета «поворота к худшему», заключающаяся в том, что неопротестованный приговор кассационная инстанция хотя и оставляет в силе, но судья — докладчик или дающий заключение прокурор обращаются к лицам, имеющим право на принесение протеста в порядке надзора, с просьбой отменить приговор и тем самым ухудшить положение осужденного, ведет к полному аннулированию важной гарантии права обвиняемого на защиту и свободы обжалования приговоров. Такая практика, по мнению автора, должна быть изжита.

Противоречат запрету «поворота к худшему» для осужденного, подавшего кассационную или надзорную жалобу (при отсутствии кассационного протеста прокурора, жалобы потерпевшего или гражданского ответчика), и случаи увеличения суммы гражданского иска в самой кассационной или надзорной инстанции.

Требует процессуальной регламентации деятельность должностных лиц суда, не обладающих правом принесения надзорного протеста, по рассмотрению надзорных жалоб, истребованию и изучению дел.

Предлагается провести в нескольких регионах эксперимент, по условиям которого подача надзорной жалобы влечет обязательное истребование дела. Это позволит применить еще один метод выявления латентных судебных ошибок и, возможно, увеличить число истребуемых в порядке надзора дел до оптимально необходимых пределов.

В четвертой главе диссертации предпринято изучение судебных ошибок, распространенность и характер которых в значительной мере определяют уровень эффективности правосудия.

В диссертации сформулировано общее понятие судебной ошибки, которая представляет собой выраженное в процессуальном акте утверждение суда, не соответствующее действительности, или неправильную уголовно-правовую оценку фактов, или выбор вида и меры наказания, не приводящих к достижению поставленных перед наказанием целей, или необоснованный отказ от применения наказания, или противоречащие процессуальному закону действия и решения суда при поисках истины.

Судебная ошибка может относиться к выводам (познавательный аспект) или действиям, не приводящим к достижению цели (телеологический аспект). Для судебной ошибки (как и ошибки вообще) характерна непреднамеренность, отличающая ее от заведомой лжи. Автор приходит к выводу, что формально правильное применение судом неоптимальных норм права или последовательное проведение в жизнь установок, признанных ошибочными, не снимает с судей моральной ответственности за вынесение социально несправедливых приговоров.

Рассматривая цепь умозаключений, приводящих суд к установлению истины или допущению ошибки, автор диссертации приходит к выводу, что определенная логическая последовательность должна соблюдаться не только в совещательной комнате при окончательной оценке доказательств, но и в самом процессе их исследования. В связи с этим предлагается разделить судебный процесс на два этапа: производство по установлению преступления и преступника и производство по изучению личности преступника и назначению ему меры наказания. Отрицательный ответ на вопрос о виновности, данный на первом этапе, исключает необходимость второго этапа; при отмене приговора за мягкостью наказания или ввиду неправильной квалификации новое рассмотрение дела в суде можно было бы начинать со второго этапа. В то же время следует обратить внимание на возможные побочные последствия такой реформы, связанные с тем, что будет отменяться за мягкостью гораздо большее, чем ныне, количество приговоров, т. е. не исключается возможность усиления обвинительных тенденций в судопроизводстве. Проверить, на-

сколько обоснованы такие опасения, можно с помощью социально-правового эксперимента.

В результате рассмотрения отдельных видов судебных ошибок сделан вывод, что наиболее серьезной по своим последствиям ошибкой является осуждение невиновного, потому что, кроме вреда интересам правосудия, оно причиняет реальный тяжкий ущерб личности осужденного.

Под понятие судебной ошибки попадают случаи отмены недостаточно обоснованного обвинительного приговора с последующим доследованием, новым судебным рассмотрением дела и вынесением взамен отмененного нового обвинительного приговора, основанного на более широкой совокупности доказательств. Конечно, есть разница в степени опасности осуждения действительно невиновного и лица, вина которого подтвердилась после отмены приговора и доследования. Однако не следует забывать, что, вынося обвинительный приговор при недостаточных доказательствах, суд, независимо от окончательного результата производства по делу, осуждает невиновного (при данной совокупности доказательств) человека, поскольку его вина еще не доказана.

С другой стороны, суд не допускает ошибку, если констатирует в приговоре, что собранной совокупности доказательств недостаточно для осуждения и отсутствует возможность собрать недостающие доказательства. Обосновывается положение: истинным может считаться только такой приговор, выводы которого обоснованы, доказаны. Приговор, вынесенный при существенном нарушении уголовного-процессуального закона, по общему правилу, презюмируется не устанавливающим истину, иными словами, — ошибочным, и подлежит отмене. Однако недопустимо отменять оправдательный приговор лишь на том основании, что было существенно нарушено право обвиняемого на защиту, поскольку подсудимому удалось отстоять свои законные интересы несмотря на нарушение этого права. В диссертации рассмотрены различные виды презумпций, требующих считать факты недоказанными, если при их установлении были допущены нарушения процессуального закона.

В диссертации предложена следующая классификация судебных ошибок:

I. Ошибки в установлении предмета доказывания, состоящие в неправильном установлении главного факта (событие преступления и виновность обвиняемого) либо других элементов предмета доказывания. Эти ошибки могут вызвать необоснованное осуждение (при недоказанной виновности либо при доказанной невиновности) и необоснованное оправдание. В основе этих неправильных решений суда лежат ошибки, соответствующие трем процессуальным основаниям отмены приговоров (ст. 343—345 УПК РСФСР). Эти ошибки, в свою очередь, вызываются ошибками в установлении и оценке отдельных доказательственных фактов и их совокупности, а последние — результат ошибок в оценке отдельных средств доказывания.

II. Процессуальные ошибки частного характера (касающиеся меры пресечения, вещественных доказательств и т. п.).

III. Уголовно-правовые ошибки, а именно: ошибки в уголовно-правовой квалификации деяния и в назначении вида и меры наказания (в том числе связанные с неправильным определением режима ИТК, признанием лица особо опасным рецидивистом и т. д.). В диссертации дана и более подробная классификация уголовно-правовых ошибок.

Эффективность любого социального процесса определяется его направленностью и темпами развития. Поэтому в диссертации изучена динамика судебных ошибок за ряд лет, которая дает представление о некоторых тенденциях развития социалистического правосудия, о влиянии на качество судебной работы изменений в уголовной политике, законодательстве и т. д. Такое исследование не только позволяет оценить в некоторых аспектах события прошлого, но и обладает прогностической ценностью, поскольку постоянно возникают вопросы об использовании исторического опыта в современных условиях. Причинное объяснение изменений в динамике судебных ошибок иногда возможно лишь на уровне обоснованных гипотез. Но и гипотезы, если они опираются на достоверные факты, в отличие от произвольных оценок, имеют научное значение.

Представление о минимальной распространенности и динамике судебных ошибок дает статистика отмены и изменения приговоров. Латентные судебные ошибки в прошлом не изучались, но об их уровне иногда удается судить на основе интерпретации статистических показателей. Ошибочные отмена и изменение приговоров вышестоящими судами, а также случаи, когда ошибки судов нельзя исправить из-за правила о недопустимости «поворота к худшему», практически не влияют на % отмены и изменения приговоров, т. к. эти показатели, как уже отмечалось, ничтожно малы.

Основой для изучения и причинного объяснения динамики судебных ошибок послужил составленный автором диссертации график, который включает большой массив сведений об отмене и изменении приговоров за последние 40 лет (общая юстиция). График позволяет сделать несколько выводов:

1. Общее количество зафиксированных в статистике судебных ошибок снизилось с 12—17% в предвоенный период до 5,1% в настоящее время (за 100% принято число приговоров, вынесенных за год). Столь значительное снижение количества судебных ошибок не есть случайное явление: это закономерный процесс повышения эффективности советского правосудия, вызванный прогрессом социалистической общественно-экономической системы, укреплением законности, расширением процессуальных гарантий, изменением облика советских судей и народных заседателей, ростом правосознания всего народа, усилением партийно-политического руководства судами и общественного контроля за их деятельностью, укреплением прокурорского надзора, улучшением работы следственных и оперативно-розыскных органов.

2. С 1937 г. по 1953 г. кривая, обозначающая все судебные ошибки, определялась главным образом числом отмененных приговоров; с 1954 г. по 1966 г. общее количество судебных ошибок определялось преимущественно изменением приговоров; с 1967 г. по настоящее время обнаруживается примерное соответствие между динамикой отмены и изменения приговоров. Высокая доля отмены приговоров по сравнению с долей их изменения — признак распристраненности наиболее серьезных судебных ошибок, связанных с ошибочным выводом о виновности. В 1937—1953 г.г. таких ошибок было намного больше, чем в 1954—1976 г.г.

3. Увеличение показателей отмены приговоров (1946—1948 г.г., 1971 г.), как правило, соответствует периодам усиления требований вышестоящих инстанций к законности и обоснованности приговоров как своеобразной реакции на недостаточность этих требований в предшествующие периоды.

4. Количество изменяемых приговоров в значительной мере подвержено влиянию уголовной политики и не имеет стабильной тенденции к росту или снижению. Наивысшие точки показателей изменения приговоров соответствуют моментам наибольшего смягчения уголовной политики (амнистия 1953 г., усиление общественных начал в борьбе с преступностью в 1959 г. и т. п.). Стабильный и довольно низкий уровень изменения приговоров в 1947—1952 г.г. свидетельствовал о достаточной жесткости судебной репрессии.

5. Изменения в динамике судебных ошибок были предопределены социальными факторами, действие которых достаточно подробно исследовано в диссертации (здесь этот вопрос по необходимости изложен в самом общем виде).

Высокий уровень судебных ошибок в предвоенные годы объясняется недостатком квалифицированных юридических кадров, чрезмерной служебной нагрузкой в судах, влиянием на правосознание судей нарушений законности, допускаявшихся во внесудебных органах, а также отдельных ошибок в области теории государства и права. Однако значение этих отрицательных явлений не следует переоценивать. Сам факт отмены и изменения чрезвычайно большого количества приговоров народных судов (в основном обвинительных) свидетельствовал о довольно строгом подходе вышестоящих судебных инстанций к приговору народного суда, его законности и обоснованности.

В годы Великой Отечественной войны число отмененных и особенно измененных приговоров (общая юстиция) заметно снизилось. В тот период приобрел особое значение фактор стабильности приговоров. Достаточно жесткая уголовная репрессия повлияла на снижение числа изменяемых приговоров.

В первые послевоенные годы (1946—1948 г.г.) число отменяемых приговоров возросло до 10% (в период войны этот показатель составлял 7%). Это не означает, что реальное количество судебных ошибок в послевоенные годы увеличилось. Наоборот, оно должно было уменьшиться под влиянием мероприятий партии и правитель-

ства по укреплению судебной системы. Увеличение же данного показателя вызвано усилением требований к приговору со стороны вышестоящих судебных инстанций и служит доказательством наличия латентных судебных ошибок в предыдущий период. Под влиянием неуклонно повышающихся требований к приговору статистические показатели отмены приговоров, начиная с 1949 г., стали постепенно снижаться и все более адекватно характеризовать процесс реального сокращения судебных ошибок.

В диссертации характеризуются основные мероприятия, принятые партией и правительством для повышения эффективности правосудия в послевоенный период. В то же время отмечаются и отдельные недостатки, мешавшие этому процессу. В частности, указывается на весьма жесткую уголовную репрессию 1947—1952 г.г., повлекшую заметное снижение числа приговоров, изменяемых в сторону смягчения наказания.

В 1953—1954 г.г. и 1959—1960 г.г. сила уголовной репрессии значительно снизилась, что повлекло резкое увеличение приговоров, измененных вышестоящими инстанциями. В диссертации характеризуются основные партийные решения и законодательные акты того периода, имевшие задачей устранить допускаявшиеся в прошлом нарушения законности, поднять престиж суда и улучшить качество судебной работы. В то же время отмечены некоторые отрицательные явления, связанные с переоценкой роли общественности в борьбе с преступностью и недооценкой значения государственных правоохранительных органов.

В 1966 г. и в ближайшие после него годы под влиянием мероприятий по усилению борьбы с преступностью (в диссертации рассмотрены эти мероприятия) значительно увеличилось число осужденных, была усилена судебная репрессия. Это повлекло снижение числа приговоров, изменяемых вышестоящими судами.

В диссертации проанализировано положительное влияние на качество отправления правосудия известных партийных и государственных решений, принятых в 1970 г. и последующие годы (создание Министерства юстиции, укрепление материально-технической базы судов, прокуратуры, МВД, расширение процессуальных гарантий и др.). В связи с этим обращено внимание на статистический парадокс 1971 г., когда количество отмененных приговоров заметно возросло. По данным опроса членов вышестоящих судов, этот «сдвиг» вызван, с одной стороны, усилением требований к приговору в связи с мероприятиями по укреплению судебной системы, а, с другой стороны, — притоком в суды первой инстанции кадров, не имевших достаточного опыта работы (в 1970 г. были проведены выборы народных судей, среди которых многие раньше судебной работой не занимались).

В диссертации рассмотрено значение новой Конституции СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР от 8 и 15 февраля 1977 г., проникнутых духом гуманизма, законности и демократии, для дальнейшего совершенствования работы судов.

В результате анализа динамики судебных ошибок установлено, что в союзных республиках, где были приняты меры к укреплению кассационных инстанций и сокращению доли ошибок, исправляемых в порядке надзора (эту тенденцию следует признать безусловно правильной), поначалу возрос процент отмены и изменения приговоров в кассационном порядке, то есть ухудшились применяемые обычно на практике показатели работы судов первой инстанции. В других же республиках уменьшение процентов отмены и изменения приговоров в кассационном порядке в какой-то мере достигалось за счет расширения сферы надзорного производства. Эту тенденцию в судебной практике нельзя признать правильной, так как она создает опасность вытеснения кассационного производства исключительным, надзорным и ведет к искаженной оценке уровня работы судов первой инстанции.

Исследована динамика судебных ошибок, исправляемых различными процессуальными способами (путем прекращения дел, возвращения их на доследование и новое судебное разбирательство). Выявленные тенденции причинно интерпретированы.

В диссертации изучена **структура судебных ошибок**, т. е. количественное соотношение между ошибками различных видов. Установлено, что в последние годы на долю процессуальных ошибок в среднем приходится 33,3%, а на долю уголовно-правовых — 66,7%. Однако соотношение между этими видами судебных ошибок различно в зависимости от того, выявлены они в кассационном или надзорном порядке. Кассационными инстанциями выявляется 26,9% процессуальных и 73,1% уголовно-правовых ошибок, а надзорными инстанциями — соответственно 47,4% и 52,6%. Из этого следует, что надзорные инстанции ориентированы на выявление наиболее опасных судебных ошибок, исправляемых отменой приговоров.

Преобладание уголовно-правовых ошибок в их общей структуре дает основание для выводов о необходимости: более четкого формулирования составов преступлений в законе; более детальных разъяснений высших судебных органов по вопросам применения уголовного права; улучшения подготовки и повышения квалификации судей по уголовному праву; разработки проблем индивидуализации наказания в теории и на практике.

Изучено распределение судебных ошибок применительно к основаниям отмены приговоров (данные социологического исследования за 1973—1974 г.г.): 1) односторонность и неполнота предварительного или судебного следствия — 13,8%; 2) несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела — 11,6%; 3) существенные нарушения уголовно-процессуального закона — 6,0%; 4) неправильное применение уголовного закона — 34,3%; 5) несоответствие наказания тяжести преступления и личности преступника — 34,3%.

Эти данные указывают на то, какие именно ошибки представляют наибольшую опасность, и позволяют целеустремленно планировать работу по повышению квалификации судей.

В структуре судебных ошибок выявлено соотношение между отмененными обвинительными и оправдательными приговорами: на долю первых приходится 93%, на долю вторых — 7%, тогда как общее соотношение обвинительных и оправдательных приговоров 99,3 : 0,7. Следовательно, обвинительные приговоры отменяются относительно **реже** оправдательных.

После отмены обвинительных приговоров в 93,4% случаев суды в ином составе выносят вновь обвинительные приговоры, как правило, по тому же обвинению. При изучении соотношения «оправдательный — обвинительный» приговоры картина иная: 76% отмененных оправдательных приговоров приходится на те случаи, когда дело завершилось вынесением обвинительного приговора. Эти цифры, на наш взгляд, свидетельствуют о некоторых обвинительных тенденциях, проявляющихся в структуре судебных ошибок (однако не свойственных всем приговорам в целом).

Доля оправдательных приговоров снизилась с 10% в довоенный период до 0,7% в последние годы. Без дел частного обвинения в 1975—1976 г.г. было вынесено всего лишь 0,15 вступивших в законную силу оправдательных приговоров (100% — все приговоры). Падение доли оправдательных приговоров — результат не только ухудшения качества предварительного следствия, но и некоторой недооценки роли оправдательного приговора, его значения для укрепления законности и поддержания престижа советского правосудия. Выявлены случаи, когда при наличии оснований для вынесения оправдательных приговоров судьи предпочитали возвращение дел для доследования.

Изучена структура уголовно-правовых ошибок за период с 1967 по 1976 г.г. Изменений в структуре этих ошибок за указанные годы почти не было. На долю ошибок, связанных с необоснованной жесткостью наказаний и «строгостью» уголовно-правовой квалификации, приходится 82,4%, а остальные 17,6% ошибок связаны с излишней мягкостью наказаний и необоснованно «мягкой» уголовно-правовой квалификацией деяний. Как видно, в структуре этого вида ошибок проявляются ригоризм некоторых судей первой инстанции и стремление вышестоящих инстанций смягчить силу судебной репрессии. Установлено, что ошибки в определении меры наказания и ошибки в квалификации деяний распространены примерно одинаково. Преобладание ошибок, связанных с большей жесткостью репрессии, в определенной мере вызвано недостаточно продуманной системой оценок работы судов, при которой изменение приговора в отличие от его отмены не считается серьезной ошибкой. Опасаясь отмены приговоров «за мягкостью», судьи иногда «на всякий случай» завышают **меру наказания и квалификацию деяния, отчего** страдают интересы граждан.

Изучение динамики и структуры судебных ошибок позволило выявить ряд пробелов в судебной статистике и внести предложения

по ее совершенствованию. В частности, предлагается вести учет оснований отмены приговоров (в том числе связанных с существенными процессуальными нарушениями и неправильной квалификацией деяний — этих данных нет в статистике), привести в соответствие ф. № 6 и ф. № 8 статотчетности (первая содержит сведения по отдельным видам преступлений, а вторая их не содержит) и др.

В заключении отмечается необходимость развивать дальше новое научное направление, ставящее задачей изучение эффективности правосудия.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок. Ч. 4. I—II (коллектив авторов). Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1975, 17 п. л.
2. Право и социология. (коллектив авторов). Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, В. П. Казимирчук. М., 1973, 2,5 п. л.
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая (коллектив авторов). Отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1966, 10 п. л.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная (соавторы Р. С. Белкин, А. И. Винберг). М., 1967, 3,0 п. л.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Изд. 2-е переработанное и дополненное (коллектив авторов). Отв. ред. Н. В. Жогин. М., 1973, 10 п. л.
6. Социалистическая законность и способы ее обеспечения (коллектив авторов). Отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1968, 1 п. л.
7. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964, 15 п. л.
8. Предупреждение преступлений и судебная экспертиза (коллектив авторов). Отв. ред. В. М. Галкин, И. Л. Петрухин, Д. П. Поташник. М., 1968, 4 п. л.
9. Назревшие вопросы судебной экспертизы. Ж. «Советское государство и право», 1959, № 8, 1,0 п. л.
10. Сущность и предмет судебной экспертизы. «Труды Военно-политической академии им. В. И. Ленина». М., 1961, № 31, 2,5 п. л.
11. Оценка заключения эксперта следователем и судом. Сб. «Вопросы криминалистики». М., 1962, № 6, 1,0 п. л.
12. Заключение специалистов в стадиях кассационного и надзорного производства. Ж. «Советская юстиция», 1962, № 15, 0,7 п. л.
13. Освидетельствование в советском уголовном процессе. Сб. «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства», М., 1962, 0,4 п. л.
14. Помещение обвиняемого и подозреваемого в медицинское учреждение. Ж. «Социалистическая законность», 1963, № 6, 0,5 п. л.
15. Внутреннее убеждение суда и правовые презумпции. Ж. «Советское государство и право», 1964, № 3, 1,0 п. л.
16. Некоторые вопросы теории судебных доказательств (в соавторстве с И. Б. Михайловской) Ж. «Советская юстиция», 1964, № 15, 0,7 п. л.
17. Об осмотре места происшествия в свете нового законодательства. Сб. «Вопросы криминалистики», 1964, № 12, 0,5 п. л.
18. Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого. Ж. «Советская юстиция», 1965, № 7, 0,5 п. л.
19. Правило об обязанности доказывания как гарантия истины в советском уголовном процессе. Ж. «Советская юстиция», 1965, № 18, 0,5 п. л.
20. О толковании сомнений в пользу обвиняемого. Сб. «Вопросы борьбы с преступностью». М., 1965, № 2, 0,7 п. л.
21. Технический прогресс — на службу правосудию. Сб. «Вопросы судебной экспертизы». Баку, 1967, № 5, 1,0 п. л.
22. О значении звукозаписи в уголовном процессе. Ж. «Правоведение», 1966, № 2, 0,7 п. л.

23. Вправе ли кассационная инстанция увеличить сумму гражданского иска по уголовному делу? Ж. «Советское государство и право», 1966, № 10, 0,7 п. л.
24. Эффективность правосудия и судебные ошибки. Перевод на венгерский: «Magyar Jog», № 1969, п. 1, old. 48—52 (в соавторстве с Г. З. Анашкиным). Ж. «Советское государство и право», 1968, № 8, 1,0 п. л.
25. Экспертиза в уголовном суде. Бюлл. Военной коллегии Верховного Суда СССР, М., 1967, № 3, 1,0 п. л.
26. Проведение экспертизы в суде. Ж. «Советская юстиция», 1967, № 17, 0,5 п. л.
27. Экспертиза в суде. Ж. «Советская юстиция», 1968, № 1, 0,5 п. л.
28. Оценка заключения эксперта. Ж. «Советская юстиция», 1967, № 3, 0,6 п. л.
29. Проблема обратной связи при изучении эффективности правосудия. Сб. «Вопросы научного прогнозирования». М., 1969, 0,3 п. л.
30. Количественные методы изучения судебных ошибок по уголовным делам. Сб. «Проблемы правовой кибернетики». М., 1968, 0,3 п. л.
31. Народный судья. Ж. «Советская юстиция», 1969, № 1, 0,5 п. л.
32. Об эффективности прокурорского надзора в суде. Ж. «Социалистическая законность», 1969, № 6, 0,7 п. л.
33. Понятие и гарантии социалистической законности. Сб. «Вопросы судебной экспертизы», 1969, № 10, 0,7 п. л.
34. Самооговор. Ж. «Советская юстиция», 1970, № 13, 0,6 п. л.
35. Причины судебных ошибок. Перевод на венгерский: «Magyar Jog», 1970, № 11, old. 691—695. Ж. «Советское государство и право», 1970, № 5, 0,9 п. л.
36. Методология судебного и экспертного познания. Труды ЦНИИСЭ. М., 1970, № 2, 1,0 п. л.
37. Социологический метод исследования эффективности правосудия. Ж. «Советская юстиция», 1971, № 4, 0,7 п. л.
38. Освобождение от наказания по болезни. Ж. «Социалистическая законность», 1971, № 2, 0,7 п. л.
39. Человек и техника в уголовном процессе (под псевдонимом И. Кузнецов). Ж. «Человек и закон», 1971, № 1, 1,0 п. л.
40. Понятие потерпевшей по делам о преступных абортх (в соавторстве с И. М. Авдеевой). «Вопросы криминалистики, криминологии и судебной экспертизы», Баку, 1972, № 15, 1,5 п. л.
41. Эффективность правосудия и проблема судебных ошибок (в соавторстве с Т. Г. Морщаковой). Сб. «Проблемы искоренения правонарушений в СССР». Тезисы Всесоюзной конференции (секции VI—VII). М., 1971, 0,5 п. л.
42. Принцип гласности в советском уголовном процессе. Сб. «Вопросы судебной экспертизы», Баку, 1971, № 12, 1,5 п. л.
43. Принцип национального языка в советском уголовном процессе. Ж. «Социалистическая законность», 1972, № 2, 0,8 п. л.
44. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. В кн.: «Проблемы государства и права на современном этапе». Вып. 7, Институт государства и права АН СССР, М., 1973, 0,8 п. л.
45. Доказывание невиновности и позиция адвоката в суде. Ж. «Советская юстиция», 1972, № 10, 0,7 п. л.
46. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. В кн.: «Проблемы государства и права на современном этапе». Труды ИГПАН. М., 1972, 0,9 п. л.
47. Критерии эффективности правосудия по уголовным делам. В сб.: «Научная информация по вопросам борьбы с преступностью», № 39. Всесоюзный институт Прокуратуры СССР. М., 1973, 0,5 п. л.
48. Правосудие и преступность. В кн.: «Проблемы государства и права на современном этапе». Вып. 8. Институт государства и права АН СССР, М., 1974, 0,9 п. л.

49. Статистический анализ структуры судебных ошибок по уголовным делам. Сб. «Вопросы судебной экспертизы». Вып. 17, Баку, 1974, 1,5 п. л.
50. Понятие системы и его приложения в науке о правосудии. Сб. «Актуальные проблемы теории и практики применения математических методов и ЭВМ в деятельности органов юстиции» М., 1975, 0,4 п.л.
51. Les Methodes sociologiques d'etude de l'efficience de la justice. Paris, 1975, 0,3 п. л.
52. Системный подход к изучению эффективности правосудия. Ж. «Советское государство и право», 1976, № 1, 1,0 п. л.
53. Истина и заблуждение в суде. В кн.: «Актуальные вопросы теории судебной экспертизы». Сб. научных трудов ВНИИСЭ. М., 1976, № 21, 1,2 п. л.
54. Буржуазная юстиция: судебные ошибки и их причины. В кн.: «Проблемы государства и права». Институт государства и права АН СССР. М., 1975, № 11, 0,9 п. л.
55. Оптимальная уголовно-процессуальная форма. В кн.: «XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности». М., 1977, 0,8 п. л.
56. Достоверное знание и судебные ошибки. В кн. «Правовое регулирование общественных отношений». Институт государства и права АН СССР. М., 1976, 0,8 п. л.
57. Проблемы оценки эффективности правосудия. В кн.: «Проблемы повышения эффективности функционирования правоохранительных органов». Вып. 1, М., Академия МВД СССР, 1977, 1,4 п. л.

всп. не хор.

Поправка: на стр.7 в абз.1 вместо слова
"протест" читать "представление"

5583 сн